

Essays on the female and male mentality in Russian institutions of matrimony and parenthood (until the middle of the XIX century)

N. N. Tarusina¹, A. I. Fedotov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-426-439

Research article
Full text in Russian

The article identifies, systematizes and analyzes patterns of legal and generally social inequality of a woman (regarding the status of a man – father and husband) in the period preceding the creation of obvious prerequisites for her emancipation, including before the October Revolution of 1917. At the same time, elements of female activity in family relations and civil relations are demonstrated, which, in our opinion, distinguishes the Russian situation for the better from Western variations of the same period. The authors form an idea of the contradictory interaction of female and male mentalities in family law and related institutions: the power of husband and father, being close to absolute, supported by law, church and custom, even in the era under study assumed restrictions and did not exclude some freedom of will of a woman. This, along with the political and economic factors of later times, formed the prerequisite for the dynamic evolution of female emancipation.

Keywords: woman; man; special status; power of husband and father; elements of female emancipation; historical and legal analysis

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N. | E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored lawyer
of the Russian Federation

Fedotov, Artem I. | E-mail: artem.fedotov03@mail.ru

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Очерки о женской и мужской ментальности в российских институтах супружества и родительства (до середины XIX в.)

Н. Н. Тарусина¹, А. И. Федотов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-426-439
УДК 347.62; 347.63

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье выявляются, систематизируются и анализируются образцы правового и в целом социального неравенства женщины (относительно статуса мужчины – отца и мужа) в период, предшествовавший созданию явных предпосылок ее эмансипации, в том числе и до октябрьской революции 1917 года. При этом демонстрируются элементы женской активности в семейных отношениях и отношениях гражданского оборота, что, на наш взгляд, в лучшую сторону отличает российскую ситуацию от западных вариаций аналогичного периода. Авторами выстраивается представление о противоречивом взаимодействии женской и мужской ментальности в семейно-правовых и смежных с ними институтах: власть мужа и отца, будучи близкой к абсолютной, поддерживаемая правом, церковью и обычаем, даже и в исследуемую эпоху предполагала ограничения и не исключала некоторой свободы воли женщины. Это, наряду с политическими и экономическими факторами более позднего времени, составило предпосылку для динамичной эволюции женской эмансипации.

Ключевые слова: женщина; мужчина; специальный статус; власть мужа и отца; элементы женской эмансипации; историко-правовой анализ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда
Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой социального и семейного законодательства,
Заслуженный юрист РФ

Федотов, Артем Игоревич

E-mail: artem.fedotov03@mail.ru

Учебный помощник кафедры социального и семейного
законодательства

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Власть супруга и отца, влияние жены, матери и бабушки на строй российской семьи – социальные конструкции, которые меняли свое содержание и объемы, а также степень взаимопроникновения, взаимоотрицания, балансировки и противоборства в пространстве обычая, традиции, этики и права, проецирующихся на отношения с семейным элементом. В предлагаемом сочинении авторы в рамках означенной проблематики, не претендуя на ее глубокое, разностороннее прочтение как в связи с ограничениями, накладываемыми типом публикации, так и фундаментальностью задачи, выскажут несколько тезисных предположений по теме в ее историческом контексте и ограниченном временном диапазоне.

Известно, что матриархатная сущность в целом, за теми или иными вариациями, некоторое время в социуме присутствовала, уступив, по причинам вполне в этнографической науке исследованным, патриархатному вектору развития. Однако и во времени, и в географическом отношении масштабы и содержание уступок (или, если хотите, поражения) оказывались весьма разнообразными, по крайней мере в бытийных, этических и юридических деталях.

Так, еще до активного византийского влияния на строй российской (славянской) семьи, последний, по предположениям исследователей, длительное время базировался на «гармоничном сочетании матриархальной и патриархальной символики как архетипического принципа формирования коллективного духа и культуры», что в том числе подтверждается и летописными документами – упоминаниями о традиционно важном значении и женщины, и мужчины в языческой семье, своеобразном «равноправстве» [1, с. 20], которое в полном объеме не исчерпало себя и в последующем, определяло, пусть и не доминирующими «мазками», картину не только древнерусского, но и более поздних этапов эволюции и бытийности семейного мира. И в летописных, и в церковных текстах подчеркивалась священная роль Матери и Отца: «Родителя присно с богом чти равно»; «Матери боле любят сыны, яко же могут помогати им, а отцы дщерь, зане потребуют помощи от отец...»; «Какы чести принесешь ты своим родителям, таких и ты чаи от своих детиин на старость» [1, с. 20–21]. В историографии также отмечались факты гармоничной дифференциации политической, публичной и частной жизни: «были сферы общественной жизни, в которых приоритет принадлежал мужчинам: охота, войны, политика; но существовали и области чисто женского “господства”: организация экономической жизни дома, семьи, воспитание детей, внутрисемейные отношения» [2, с. 15–16]. Сей домашний «матриархат» составлял своеобразный, хотя и не без зыбкости, баланс общественной жизни. В то же время даже и после принятия христианства¹, введения византий-

---

¹ В языческую эпоху господствовало многоженство, хотя и с некоторыми ограничениями [3, с. 152].

ских семейно-правовых канонов о «единоженстве» и прочем наблюдались и полигамные браки², а также, несмотря на церковные и собственно правовые ограничения³, многократное супружество со стороны мужчин (самым известным примером тому – семикратное «любобрачие» Ивана Грозного). Как таинство церковь рассматривала лишь первый брак, который заключался по всем правилам, установленным для венчания⁴. Второй же и третий брачные союзы являлись снисхождением к человеку⁵ и благословлялись лишь молитвой по правилам с наложением епитимьи на различный срок. Четвертый брак и последующие были вне Закона⁶. Повторные супружеские союзы наблюдались в разных сословиях – от правителей Государства Российского до крепостных крестьян. Цари и императоры все-российские вступали во второй брак и даже седьмой (Иван III – 2 жены, Василий III – 2 жены, Иван IV – 7 жен, Алексей Михайлович – 2 жены, Федор Алексеевич – 2 жены, Петр I – 2 жены, Павел I – 2 жены, Александр II – 2 жены), причинами таковых являлись либо необходимость в рождении наследника престола (в подавляющем большинстве), либо выгодный династический альянс (Иван III и Софья Палеолог), либо непосредственно воля самодержца (например, любовь Александра II и княжны Долгоруковой). В крестьянской среде повторные супружеские союзы также не являлись редкостью, встречались даже и те, кто вступил в третий раз в брачные узы. При анализе материалов метрических книг⁷ видно, кто совершал такие шаги: вдовы молодые люди, как правило не имеющие детей либо являющиеся одиночками родителями с малолетними детьми. Отсюда становятся понятными причины их повторной женитьбы или выхода замуж: рождение и воспитание детей, помощь в ведении хозяйства и быта [7, с. 21, 25]. К тому же не стоит забывать и заинтересованность помещи-

² Об этом свидетельствует, например, один из назидательных текстов Устава князя Ярослава: «Если две жены кто водит, то епископу 40 гривен...» [3, с. 190].

³ Из Правил Василия Великого: «На троебрачие нет закона...». Из Стоглава (1551 г.): «Первый брак – закон, второй – прощение, третий – законопреступление, четвертый – нечестие, понеже свинское есть житие» (гл.23) [4, с. 289]. Некоторым современникам и современникам нелишне было бы ознакомиться с историей вопроса... Впрочем, они, скорее всего, вслед за новейшей формулой «это – другое» нашли бы своим рекордам на брачном поле оправдание.

⁴ Это следует, в частности, из Стоглава (1551 г.): второму браку венчания несть, но токмо молитва по правилам, и третьему молитва (гл. 23); для последнего использовался весьма специфичный термин – «третье совокупление» (гл. 19) [5].

⁵ Правило 50 Василия Великого: «...На таковые дела зриаем, как на нечистоты в церкви: но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшия, нежели распутное любодеяние» [6].

⁶ Кормчая книга. Гл. 48. Грань 4. Л. 25; Свод Законов Российской Империи. Т. X, ст. 21.

⁷ ГКУ ЯО ГАЯО. Фонд № 230. Оп. 8. Д. 165. Метрические книги церкви с. Пономарево Ярославского уезда за 1812–1842 годы; ГКУ ЯО ГАЯО. Фонд № 1118. Оп. 3. Д. 260. Метрические книги церкви с. Туношна Ярославского уезда за 1842–1859 годы.

ков⁸ в рождении как можно большего количества детей у своих крепостных, поскольку тем самым увеличивалась их собственность.

Средние века характеризовались также «теремным сидением девиц и жен», конечно, той части женщин, которые составляли зажиточный клан, прежде всего из числа «московиток». Данное явление стало следствием реакции высших слоев общества на осколки уже упоминавшегося нами «равноправства», бытовавшего в языческие времена [9, с. 128]. Так, в доктрине отмечается, что причинами возникновения и распространения подобного затворничества в «женском тереме» явились внедрение вместе с православием «византийской феминифобии» (с представлением о женщине как «сосуде греха», который следует держать взаперти во избежание соблазна), а также превращение жен и девиц в «блудительниц непорочности», при это первых – для продолжения рода (с гарантией верности, а значит, и генетической чистоты потомства), вторых – как вида дорогого «товара» для заключения родителями династических и/или экономических союзов [10, с. 45]. Степень строгости затворничества была в прямой пропорции со статусом семьи: чем выше положение, тем строже [11, с. 14]. Соответственно особо «строгим режимом» отличался терем для царевен [12, с. 224–225]. Царские дочери до эпохи Петра I не могли вступать в браки, поскольку не было после падения Константинополя в «заморских» правящих домах православных женихов, а, следовательно, при выходе замуж за иностранца русской царевне необходимо было бы сменить веру, что было неприемлемо для московского царского двора той поры; выходить же замуж за боярских отпрысков не позволял статус. Так и оставались навсегда «в девках» цесаревны и не покидали «терем» вовсе на протяжении всей жизни.

Встречались примеры, пусть и редкостные, активного выхода женщины за рамки домашнего быта. Так, ярчайшим образцом подобного рода являла собою новгородка Марфа Борецкая (Марфа-посадница), вдова посадника И. А. Борецкого (по второму браку), не только управлявшая Новгородской землей, но и успешно занимавшаяся предпринимательской деятельностью, приумножившая свои землевладения (за счет северных территорий) и прочие доходы ремесленным производством и торговлей [13, с. 50–64]. Впрочем, как показывает анализ подобной женской активности, и в отдаленные, и в более поздние времена, она была скорее присуща вдовам, нежели супругам или незамужним девицам (следовательно, чьим-то дочерям)...[14, с. 54–82] При этом, например, в старообрядческой среде элементы «матриархатности» не только в доме, но и общественной сфере сохранялись, пожалуй, в большей мере, нежели в иных социальных кругах. Ролевые позиции женщины в старообрядчестве были довольно сильны и статусно близки к мужским: наблюдались более высо-

⁸ Яркий пример с женитьбой «строем» своих крепостных А.В. Суворовым [8].

кий уровень грамотности, нежели у иных групп населения империи, духовная инициативность и своеобразное творческое начало в толковании вероучения и отстаивания его, значимое участие в организации и жизнедеятельности общин, их защиты от преследования властей [15, с. 60–69].

Однако в целом в России (ее православной части) была рецепирована патриархально ориентированная модель, в том числе в семейной жизни, «власть мужа над женой трактовалась церковниками как закон» [16, с. 87]. Церковные тексты содержали и содержат немало тому подтверждений: «жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви»⁹, «от мужа взята еси и тот тобою да обладает»¹⁰, «ей [жене] бояться мужа, как главы»¹¹ и др. Это отражалось и на законодательстве. Так, например, в Уставе князя Ярослава (XII в.) женщине без супруга запрещалось ходить в гости, в своде законов XIV в. («Пчеле») указывалось: «Жена правдива, и смиренна, и безмолвна – жизнь дому и спасение мужу своему» [1, с. 22]. В актах более поздней эпохи также содержится патриархальный подход: «жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу»¹², «жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства»¹³ и т. д.

В то же время в доктрине отмечаются своеобразные «двойные стандарты» относительно статуса русской (в расширенном смысле) женщины: с одной стороны, Церковь с самого начала взяла ее под свою защиту, возвысив значение материнства, с другой – «укореняла в ней веру в святость и нерушимость церковно-брачного подчинения мужу» [19, с. 55–101]. В одном из самых известных «назидательных сборников», «Домострое» (XVI в., с последующими редакциями), означенное противоречие также усматривалось: «...Хозяйка ни в коем случае и никогда, разве что занедужит или по просьбе мужа, без дела бы не сидела...» (гл. 33); «... а в гости ходить и к себе приглашать и пересылаться, только с кем разрешит муж» (гл. 39); «А у жены решительно никогда никоим образом хмельного питья бы не было...» (гл. 40); «Если подарит кому-то Бог жену хорошую – дороже это камня многоценного. ... Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая – венец своему мужу» (гл. 25); «... Господину же о всяких делах домашних советоваться с женой...» (гл. 18) [20, с. 131–153]. Во вступительной статье к одному из изданий «Домостроя» отмечается: права и обязанности хозяина и хозяйки дома как бы взаимно дополняются; без жены мужчина не является полноправным членом общества и должен оставаться при отцовском доме; от мужчины требовались (или, по крайней мере, ожидалось)

⁹ Апостола Павла послание к ефесянам [17, с. 763].

¹⁰ Пролог XIV в. // ЦГАДА. Ф. 381. № 173. Л. 118 об.

¹¹ Иоанн Златоуст. Беседа 20 на Еф. 5:22–24 [18, с. 448].

¹² п. 9 ст. 41 Устав благочиния или Полицейский 1782 г. // ПСЗ. Т. XXI. № 15379.

¹³ ст. 107 Т. X. Ч. 1 свода законов Российской Империи // Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1912.

строгость, справедливость, честность, от женщины – чистота и послушание [20, с. 13–15]. При Екатерине Великой Уставом благочиния предписывалось: «Жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу» [21, с. 445–446] и т. д.

Эволюция правовых предпосылок статусов мужчин и женщин, в том числе в сфере семейных отношений, также не отличалась абсолютной последовательностью: наблюдались колебания в сторону как некоторых «вольностей» для «лучшей половины человечества», так и отказа от таковых. В доктрине отмечается, что в X – начале XVI в. происходило медленное (и не системное) расширение дееспособности женщин всех социальных групп – прежде всего относительно режимов личного и семейного имущества; с середины XVI в. до середины XVII в., напротив, воследовали ограничения. Например, были введены запреты дворянкам владеть поместьями, вотчинницам – наследовать родовую собственность [22, с. 54–55]. При Петре Великом (с 1714 г.) женам дворян было возвращено право на поместья, распоряжение им и приданым. Однако позднее Петром же (в определенной своей части) данные вольности были «заморожены»¹⁴. В 1731 г. их частично восстановила Анна Иоанновна: «что они [жены], будучи замужем, куплею себе или после родственников по наследству присовокупили, быть при них». В 1753 г. был принят закон, прямо провозгласивший некоторую женскую имущественную «вольность»: «жены могут продавать собственное их имение без согласия их мужей», а также вступать со своими супругами в сделки по передаче имущества как субъекты гражданского оборота (особо подтверждено законоположением 1825 г.)¹⁵. В 1754 г. (с уточнениями 1766 г.) впервые было закреплено понятие субъектов права на недвижимость, среди которых числились жены и дети (как бы теперь заметили, в относительно гендерно нейтральном прочтении) дворян, а с 1801 г. – женщины купеческого, мещанского сословия и зажиточного крестьянства. В сенатском указе 1775 г., посвященном сборам с купцов и разделению их на гильдии, сообщалось: «Лица женского пола причисляются к гильдиям на одинаковом основании с мужским; незамужние – по праву состояния, принадлежащего им по рождению, а замужние и вдовы – по праву, приобретенному ими супружеством»¹⁶. Таким образом, как отмечается в историографии, произошло некоторое «выравнивание» статусов: «московская старина» с ее затворничеством, «теремным сидением» девиц высших сословий, лишением женщин дееспособности (вопреки противодействию «ретроградов») отступила [24, с. 346–351], хотя, разумеется, и не со всех позиций института мужской власти над же-

¹⁴ Подробно об этом см., например: Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна [23, с. 80–89].

¹⁵ ПСЗ. Т. XIII (1749–1753). № 10111; Т. XL (1825). № 30472.

¹⁶ ПСЗ. Т. XX (1775). № 14327.

ной (и детьми)¹⁷. В истории цивилистики подчеркивалось: «Весь XVIII век, несмотря на отдельные примеры противоположного свойства, представляет собою последовательный ход развития личности женщины»; споры и колебания в имущественном вопросе в начале следующего века разрешились полным признанием ее имущественной самостоятельности [25, с. 614; 26, с. 21–37]. Данные решения, среди прочего, явились также одной из значимых предпосылок особого эволюционного пути российского женского предпринимательства, женской благотворительности и «женской истории» XVIII – начала XX в. в целом.

Рассуждая об историко-правовых предпосылках относительной самостоятельности русских женщин, в истории права также отмечалось, что «по счастливой исторической случайности наше русское право, вообще отставшее от права западноевропейского», стоит в вопросе об имущественном режиме в супружестве «в передовой шеренге», закрепляя раздельность собственности супругов, позволяя распоряжаться своим имуществом и др. в том числе женам без согласования с мужем; когда данный принцип в нашем законе появился – вопрос «темный и спорный»¹⁸, однако с ним мы «впереди Европы» и «одной трудностью у нас меньше» [27, с. 188]. Но была ли это «счастливая случайность»?.. Исторические образцы некоторого сохранения матриархатной ментальности, сочувствие женскому роду со стороны русских императриц, церковное восхваление материнства, а возможно, и иные факторы, в том числе и неизвестные доктрине, – гипотетические (с некоторой долей уверенности даже очевидные) причины означенной тенденции российского законодательства.

При этом личные отношения супружества отнюдь не отличались «гендерной нейтральностью» (некоторые образцы мы уже демонстрировали ранее). Место жительства супругов определялось местом жительства мужа. Он же выдавал разрешение на получение женой паспорта. Даже и в конце XIX в. удовлетворялись иски о водворении жены к мужу [25, с. 615–617]. (Впрочем, в означенный период исполнение соответствующего судебного решения иной раз осуществлялось весьма формально и с налетом анекдотичности: в доктрине описывались случаи привода (возвращения, водворения) судебным приставом жены в мужний дом, документальной фиксации оногo действия, после чего женщина вновь оставляла супруга, а при обращении с жалобой к приставу муж получал ответ, что исполнение решения исчерпано и вторичному исполнению не подлежит [28, с. 221–222]) Кроме того, действовало общее правило о следо-

¹⁷ Как известно, и в политическом, и в образовательном, и в цивилистическом контексте гендерная дискриминация просуществовала в правовом силовом поле до октябрьской революции. О правовом статусе жены и дочери см., например: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права [25, с. 607–644].

¹⁸ Не без участия, однако, русских императриц, сочувствовавших женской доле (а перед тем – Петра Великого).

вании жены за мужем. Например, в случае ссылки мужа за преступление жена сопровождала его и должна была разделить его судьбу¹⁹ (при зеркальной же ситуации муж имел право выбора своего места жительства – единение со ссыльной женой не являлось его обязанностью)²⁰. Впоследствии Петр I своим указом²¹ ликвидировал данное неравенство, предоставив женщине возможность самостоятельно принять решение, следовать ли ей за мужем, которому избрано наказание в виде ссылки.

В допетровское и петровское время муж «сообщал» жене свой социально-юридический статус (состояние), а служивый человек еще и свой чин по Табели о рангах²². Данные положения имели свою специфику применительно к различным группам населения. Так, в результате брака дворянки и лица неблагородного звания женщина формально теряла свою «родовитость». Данное правило отменила Екатерина Великая в Жалованной грамоте дворянству, впрочем уточнив, что дворянство в подобной ситуации мужу и детям не передается²³. Союз свободного с крепостной приводил к закреплению мужа²⁴, поскольку «право крепостное считалось более твердым правом, чем право свободы» [29, с. 238]. Екатерина II упразднила и данную норму²⁵. Супружество воспитанниц Воспитательного дома и мещанского училища с крепостными не приводило к крепостному состоянию жены, но, наоборот, даже могло сообщить свободное состояние мужу при соблюдении ряда условий²⁶. В 1815 г. был издан закон, согласно которому при вступлении в брак девушки из свободных за крепостного изменений сословия жены не происходило²⁷. При этом неравные браки не одобрялись обществом, что, кроме прочего, подтверждается и народной пословицей: «гусь свинье не товарищ». При этом на первом плане было не богатство семейства жениха или невесты, а именно их происхождение. Мезальянсом считался и супружеский союз дворянина с купеческой дочкой (или купчихой)²⁸.

На протяжении всей эпохи дореволюционной России постулатом брачного союза являлась единая фамилия [11, с. 36]. Не возникает сомнений, что фамилия эта была мужа. Жена переходила в род мужа. При этом некоторое время существовало изъятие из общего правила, характерное для благородного сословия: в случае вступления в брак или со-

¹⁹ ПСЗ. Т. II. № 772

²⁰ ПСЗ. Т. II. № 1266.

²¹ ПСЗ. Т. VI. № 3628.

²² ПСЗ. Т. VI. № 3890. п. 7

²³ ПСЗ. Т. XXII. № 16187, ст. 7.

²⁴ Соборное Уложение 1649 г. Гл. X, ст. 19. // ПСЗ. Т. I. № 1

²⁵ ПСЗ. Т. XX. № 15070.

²⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 11908. Гл. VI, ст. 5; Т. XVII. № 12323, п. 9.

²⁷ ПСЗ. Т. XXXIII. № 25947, п. 7.

²⁸ Президент РАН княгиня Е. Р. Дашкова тяжело переживала брак своего сына с купеческой дочерью [10].

стояния в оном с единственной представительницей рода и наследницей недвижимого имущества мужчина обязан был принять ее «прозвище», в противном случае наследство переходило государю²⁹.

Бракоразводный процесс первоначально содержал очевидные преимущества для мужей, в том числе гендерно дифференцировались основания к разлучению супругов и правовые последствия оного. Например, в эпоху Устава князя Ярослава (и позднее) муж считался изменником (совершившим прелюбодеяние), если имел на стороне наложницу и детей от нее или длительную связь с женой другого, а жена считалась таковой при обнаружении связи с другим мужчиной [10, с. 24] (или при подозрении в измене, ибо, как известно, факт верности доказать несоизмеримо труднее, подозрение же находится в сфере вероятности и, как правило, для судей-мужчин могло оказаться основанием для судейского усмотрения). В последующем из общей обязанности верности супругов в законодательстве и, что не менее значимо, в правоприменительной практике воследовало признание равного значения нарушения данного требования для мужа и жены [25, с. 618].

Власть родителей над детьми была известна со времен язычества [29, с. 458]. Она также, по общему правилу, принадлежала мужу-отцу, кроме случаев внебрачного родительства. В то же время на первом этапе своего становления как социально-правового института предполагалось беспрекословное подчинение не только батюшке, но нередко и матушке, что свидетельствует, несмотря на «гендерный разрыв», об особой роли на Руси матерей и бабушек [30, с. 55–61]. При этом правоотношения между родителями и детьми характеризовала, наряду с технологией подчинения властному началу первых, конструкция родительского права-обязанности [29, с. 461–462]. При этом, как отмечается в дореволюционной цивилистике, из права личной власти мужа над женою логически вытекало и право личной власти отца над детьми [31, с. 485], хотя и ограничившееся со времен Петра Великого (изъятия сводились к контролю за передачей детей в наем сроком не более 5 лет, отдачей в монастырь, к выявлению согласия ребенка на вступление в брак, хотя и нередко по указанию отца; и др.) [25, с. 623–625]. По мере взросления ребенка объем власти отца уменьшался настолько, насколько сын или дочь приобретали «самостоятельное гражданское положение в обществе» [7, с. 177] (при поступлении детей в общественное училище, определении детей на службу); при выходе дочери замуж происходил ее переход под власть мужа – иначе возникало бы столкновение двух типов законного подчинения женщины³⁰. Однако «фактически родительская власть ограничивалась и во мно-

---

²⁹ ПСЗ. Т. V. № 2789.

³⁰ ст. 107, 179 Т. X. Ч. 1 Свода законов Российской Империи // Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1912.

гих других случаях <...> например, когда сын начинал своим трудом содержать себя...» [32, с. 382]. Прекращение власти родителей над детьми Закон связывал с «единственно смертию естественною или лишением всех прав состояния»³¹.

Материнская власть имела в качестве оснований не только внебрачное рождение (узаконение статуса осуществлялось лишь в порядке исключения), но и смерть мужа. При рождении вне брака ребенок не обладал юридической связью с биологическим отцом, не имел права в том числе на его фамилию, отчество и сословие [33, с. 581–582], а потому родительская власть принадлежала только матери³². В доктрине отмечалось и другое основание для материнской «узурпации»: «При жизни отца право матери <...> сдавлено и входит в настоящий объем лишь тогда, когда прекращается давление, производимое правом власти мужа, – отца детей» [32, с. 380]. Следовательно, после смерти главы семьи и хозяина дома власть над детьми мать ни с кем не делила, осуществляла ее самостоятельно. Содержание власти матушки не отличалось от батюшкиной. Кроме решения частно-правового аспекта (возложение заботы о ребенке на одного из родителей – «одинокую мать»)³³, решались и публично-правовые задачи: предотвращение детоубийства, прикрывающего «женский позор»; определение субъекта подушной подати [36, с. 281]; пополнение армии рекрутами³⁴, а с 1874 г. – солдатами срочной службы³⁵ (в случае рождения дитяти «мужескаго» пола). Среди незаконнорожденных было немало выдающихся людей (В. А. Жуковский, А. П. Бородин, В. Г. Перов, О. А. Кипренский и др.). Это являлось своеобразной наградой женщине, решившейся на такой далеко не легкий шаг, как рождение ребенка вне брака, поскольку общество, как правило, негативно относилось к данному явлению [33, с. 582]. (При этом следует заметить, что возложение ответственности за последствия внебрачного сожительства (или вовсе случайной связи) исключительно на женщину характерно не только для времен иных, но даже и для советского семейного законодательства, несмотря на провозглашение и последующее отстаивание принципа равноправия женщин и мужчин: яркими образцами решений подобного рода является небезызвестный Указ ПВС СССР от 8 июля 1944 года, норма ст. 48 КоБС РСФСР (первый в полной мере освободил мужчину от должно-

³¹ ст. 107, 178 Т. X. Ч. 1 Свода законов Российской Империи // Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1912.

³² ст. 132.1 Т. X. Ч. 1 Свода законов Российской Империи // Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1912.

³³ Подробнее см. в других трудах Н. Н. Тарусиной [34; 35, с. 69].

³⁴ ПСЗ. Т. IV. № 2050.

³⁵ ПСЗ. Т. XLIX. № 52982.

вания за судьбу внебрачного дитяти, вторая же ограничила возможности суда по установлению отцовства)³⁶

Таким образом, изложенная информация и аналитические соображения по теме позволяют, на наш взгляд, увидеть дополнительные штрихи к картине взаимодействия женской и мужской ментальности в правовой и общественной жизни российского общества и государства в заявленный период, которые, наряду с традиционными представлениями о неравном социально-правовом статусе женщины и мужчины, демонстрируют и образцы некоторой свободы первой от власти отца и мужа, элементы пассивности российской женщины, составившие впоследствии (в системе с другими) предпосылки для динамичной эволюции ее эмансипации.

Ссылки

1. Некита А. Г. Идеологические трансферы в истории русской ментальности: сублимация Софийного матриархата в имперском патриархате // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, вып. 1. С. 20–25.
2. Пушкарева Н. Л. Какими были древнерусские женщины? // Наука и жизнь. 1991. № 8. С. 14–21.
3. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. 430 с.
4. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 2. 519 с.
5. Стоглав: Собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059) / науч. подгот. текста М. Б. Данилукшкина. Санкт-Петербург: Воскресение, 2011. 273 с.
6. Василий Великий: нравственные правила / ред. П. К. Доброцветов. М.: Сибирская благовонница, 2016. 208 с.
7. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 т. Т. 2 / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 656 с.
8. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус Князь Суворов. М.: Культурно-Промышленный Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2016. 716 с.
9. Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа // Юридический Вестник. 1877. № 2. С. 124–142.
10. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X– начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.

---

³⁶ Подробнее об этом см. другие труды Н. Н. Тарусиной [35, с. 68–84; 37, с. 131–14; 38].

11. Цатурова М. К. Русское семейное право XVI—XVIII вв. М.: Юрид. лит., 1991. 112 с.
12. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI—XVII столетиях. М., 1869. 704 с.
13. Пушкарева Н. Л. О роли женской личности в экономической истории России раннего нового времени (Марфа Борецкая) // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2020. № 4. С. 50–64. DOI 10.26456/vthistory/2020.4.050
14. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческое свидетельство») // Экономическая история: ежегодник. 2016. Т. 2014–15. С. 54–82.
15. Керов В. В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 60–68.
16. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
17. Апостол с толкованием текста. Почаев: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2013. 1343 с.
18. Святитель Иоанн Златоуст. Иоанн Святитель: Святитель Иоанн Златоуст. Избранные творения: в 2 т. Т. 1. / ред. свящ. Александр Гумеров. М.: Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2017. 1376 с.
19. Щапов А. П. Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России // Щапов А. П. Соч. СПб., 1906. Т. 2. С. 55–101.
20. Домострой / сост., вступ. ст., пер. с древнерус. и коммент. В. В. Колесова. М.: Сов. Россия, 1990. 303 с.
21. Законодательство Екатерины II / под ред. О. И. Чистяковой, Т. Е. Новицкой. М., 2007. 984 с.
22. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 272 с.
23. Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 616 с. EDN REYDMT.
24. Пушкарева Н. Л. Правовая основа женской имущественной самостоятельности и предприимчивости в Российской империи конца XVIII–начала XIX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни России: история и современность: материалы международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веремченко. М., 2016. С. 346–351.
25. Шершеневич Г. Ф. Учебникъ русскаго гражданскаго права. Казань: Издание книжного магазина Бр. Башмаковыхъ, 1905. 777 с.
26. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 224 с.
27. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. 354 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).

28. Боровиковский А. Отчет судьи. СПб., 1892. Т. 2. 348 с.
29. Неволин К. А. История российских гражданских законов. асть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. 590 с. (Классика российской цивилистики.)
30. Тарусина Н. Н. Об элементах «родительской власти» в российском законодательстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 33. С. 55–61. EDN QCZBGQ
31. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 736 с.
32. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 2. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут, 1997. 455 с. (серия «Классика российской цивилистики».)
33. Тарусина Н. Н., Федотов А. И. Запись актов состояния в Российской империи: многолетняя работа над ошибками (по материалам метрических книг церквей сел Ярославского уезда) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 17, № 4. С. 572–585. DOI 10.18255/1996-5648-2023-4-572-585.
34. Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. 144 с.
35. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 7. С. 68–84. DOI 10.12737/jrl.2022.073
36. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 400 с.
37. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 1. С. 131–146. DOI 10.17803/1729-5920.2022.182.1.131-146
38. Тарусина Н. Н. Доктрина и семейный закон: переосмысление правового регулирования семейных отношений или «усекновение» традиции? // Закон. 2024. № 6. С. 78–85. DOI 10.37239/0869-4400-2024-21-6-78-85